

А. К. МАТВЕЕВ
Свердловск

ОБРАЗНОЕ НАРОДНОЕ ВІДЕНІЕ І ПРОБЛЕМИ ОНОМАСІОЛОГІЧЕСКОЇ І ЕТИМОЛОГІЧЕСКОЇ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТОПОНІМІВ

І. В подавляющем большинстве случаев топонимы, обозначающие физико-географические объекты¹, отражают какой-либо признак непосредственно, прямо характеризую объект: озеро Кривое, Длинное, Большое, Гнилое и т. п. Именно такие топонимы по своей семантике общи для самых разных народов. Однако изучение семантических моделей топонимии и разработка приемов моделирования компонентов топонимических систем² лишь в определенной мере способствуют совершенствованию методов исследования топонимического субстрата прежде всего в силу неполного соответствия семантики топонимов не только у народов с различными зонами обитания, но и у населяющих (или населявших некогда) одну и ту же территорию.

Это несоответствие обусловлено как особенностями географической среды (у народов с различными зонами обитания), так и спецификой хозяйствования и быта, а также отличиями в образном восприятии окружающего мира, образном видении мира у разных народов, находящем отражение в языке, т. е. национальным своеобразием топонимии, тесно связанным с этнической психологией³.

Компоненты топонимов, а иногда и сами топонимы во всем их составе, если только они непосредственно связаны с географической средой, экономикой и бытом и прямо характеризуют определенные признаки реальных, могут быть смоделированы и выявлены на базе изучения общей типологии географических названий, конкретных исторических условий и семантики топонимов функциони-

¹ Названия населенных пунктов чаще всего антропонимического происхождения или образованы по метонимии.

² См. об этом: А. К. Матвеев. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.— ВЯ, 1976, № 3.

³ См.: А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов.— В сб.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 200; Г. В. Глинских. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории.— В сб.: Вопросы топониматики, № 6. Свердловск, 1972, с. 79.

рующего языка. Моделирование и обнаружение образных топонимов значительно сложнее, так как их трудно предугадать по причине значительного разнообразия. А между тем, хотя и в современных топонимических системах образных топонимов много, есть все основания считать, что в прошлом у народов, стоявших на относительно низком уровне развития, их было еще больше⁴. Поэтому при обсуждении возможностей интерпретации субстратных топонимов обязательно следует считаться и с образными семантическими моделями. Насущным задачам изучения образных семантических моделей с ономаσιологической точки зрения и поискам путей этимологизации таких топонимов и посвящена настоящая статья.

Исходным пунктом наших рассуждений является тезис о совпадении чувственного восприятия мира у всех народов и частичном несовпадении образного видения, имеющего у каждого этноса как общие с другими этносами, так и свои специфические компоненты, сложившиеся в определенных исторических условиях: в конечном счете образные названия, как и вся топонимия, порождены конкретным историческим опытом данного народа и в сущности представляют собой своеобразно трансформированный опыт. В какой-то мере это аналогично тому, что языковое членение мира (в отличие от логического) тоже может совпадать и не совпадать⁵. Однако все сказанное отнюдь не следует воспринимать как апологию известной гипотезы Сепира — Уорфа: речь идет только о том, что семантика образов, как и языковых категорий, в языках может быть сходна и различна.

Уже исходя из этих общих соображений, следует ожидать наличия в разных языках тождественных и специфических образных названий и прежде всего многочисленных топонимических метафор.

Встречаясь довольно часто, образные названия, однако, очень неравномерно представлены в различных группах топонимии. Их сфера — наименование нелинейных «обозримых» объектов: гор, скал, лугов, полей. В гидронимии, во всяком случае в речных названиях, метафор значительно меньше. Поэтому и в известной статье М. Фасмера о значении названий русских рек образных названий очень немного⁶. Не случайно и Г. В. Глинских, сравнивая семантику русских и мансийских субстратных гидронимов, приходит к выводу, что «отличия в номинации гидрообъектов для топонимики русского и мансийского происхождения в целом незначительны»⁷. Поскольку гидронимия — менее пригодный объект

⁴ См.: А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов, с. 196—197.

⁵ Ср.: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 163—164.

⁶ См.: М. Vasmer. The meaning of Russian River Names.— "Oxford Slavonic Papers", vol. 6, 1955. S. 51—53.

⁷ Г. В. Глинских. К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории, с. 84.

для проявления образного видения, чем оронимия, в дальнейшем приводится прежде всего оронимический материал (названия гор и скал), однако и гидронимы не оставлены без внимания.

II. Тезис о том, что топонимические метафоры в языке часто бывают семантически тождественными, т. е. имеют универсальный характер⁸, легче всего подтвердить, обратившись к той широко распространенной в самых разных языках и хорошо известной всем лингвистам группе топонимов, в которой отражаются наименования частей тела (ср. русское название луга *Шея*, мансийское название горы *Нёлсамас* «ноздря» и т. п.)⁹. Очень близки к таким названиям и топонимы, в состав которых входят географические термины метафорического происхождения¹⁰, хотя эти топонимы, строго говоря, уже не могут рассматриваться как образные, ср. русск. мыс *Долгий Нос* (диал. *нос* «мыс»), манс. гора (отрог) *Пувырнёл* «круглый нос» (*нёл* «нос», «мыс», «отрог»). Отличаясь в ономасиологическом отношении, названия этих двух типов не имеют, однако, существенной разницы с точки зрения практики этимологизирования, поэтому, зная о наличии определенной «анатомической» метафоры в географической терминологии или топонимии разных языков, можно моделировать адекватные компоненты и в топонимическом субстрате¹¹.

Так, учитывая русск. *уста* «рот» > *устье*, англ. *mouth* «рот», «устье», лат. *os* «рот», «устье», фин. *suu* «рот», «устье» и другие параллели и зная о существовании норв.-саам. *njalbme*, кильд.,

нот. *nalm*, йок. *nalme* «рот», «устье», можно смоделировать для севернорусской субстратной топонимии саамского происхождения основу *нялм-*, *няльм-* «устье». Эта основа была обнаружена в топонимах *Няльмозеро*, *Няльмик*, а также в названиях *Нельмозеро*, *Нельмаш*, *Нельмиж*, *Нельменьга*, где *няльм-* > *нельм-* на почве русской адаптации (ср. севернорусские диалектные формы с отражением перехода 'а' > 'е': *з'ат'* > *з'ет'*, *гр'ас'* > *гр'ес'*, *вз'ат'* > *вз'ет'* и т. п.).

Топонимические метафоры, которые следует рассматривать как универсалии, могут быть обнаружены и в других тематических группах.

Нам уже приходилось писать о широко распространенном представлении о горах, как о вечных, старых людях («стариках» и

⁸ О семантических универсалиях в языке и использовании их при этимологизации см.: С. Ульманн. Семантические универсалии.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 250—254, 285—286; ср. также: Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, с. 471.

⁹ Ср.: С. Ульманн. Семантические универсалии, с. 277—278.

¹⁰ Попытка свести воедино «анатомические» элементы в географической терминологии разных языков предпринята в работе: Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, с. 126—135.

¹¹ «Большинство семантических универсалий носит статистический характер» (С. Ульманн. Семантические универсалии, с. 277), что, однако, не может рассматриваться как препятствие для практики моделирования: круг привлекаемых для сравнения языков обычно ограничивается генетически или территориально.

«старухах») ¹². Не менее показательное типологическое соответствие надо видеть в «говорящих», «кричащих», «откликающихся» горах, скалах, реках, озерах и других объектах. Физико-географическим субстратом для всех названий такого рода является наличие шума или способность создавать эхо. Бесчисленные русские речки с названиями *Шумиха* или *Гремиха* могут быть отнесены в этом случае к числу топонимов, прямо характеризующих объект. Нередки и образные названия, возникающие на основе олицетворения: речка *Говоруха*, скала *Говорливый Камень*, гребень *Откликной*, казах. *Айгайтас* «кричащий камень» (название скалы), манс. *Рохн-эква-ахвас* «камень кричащей старухи» (название камня в горной речке, который первоначально, видимо, назывался просто *Рохн-эква* «кричащая старуха») и т. п.

Проблема состоит в том, чтобы получить достаточно полный перечень образных топонимических универсалий, отраженных в различных языках мира, так как в противном случае база для моделирования будет сужена, а принцип отбора универсалий в конечном счете субъективен.

Наиболее реальный, хотя и весьма длительный путь к этому,— построение на основе изучения конкретных топонимических систем общей универсальной типологии образных названий ¹³, т. е. выявление одинаковых в плане содержания метафор в разных языках с их последующим сведением к одному семантическому эталону.

Построение такой типологии позволило бы отнести к категории универсальных топонимические образы, распространенность которых пока не доказана, и обосновать членение универсалий по семантическим классам, что, как мы уже видели, весьма существенно для моделирования.

Установление универсальности образа важно и для ономастической интерпретации топонимов. Высокие скалы, состоящие из множества нагроможденных друг на друга каменных плит, во многих местах называют *Чёртово Городище*. Есть такое урочище и близ Свердловска. Происхождение этого названия прозрачно: с точки зрения местных жителей только черт мог «нагородить» подобное сооружение. Загадка состоит в другом: рядом со скалами протекает речка *Семипалатинка*. Самое простое, конечно, не видеть связи между этими названиями, однако такая связь есть.

В настоящее время уже достаточно хорошо известно о широком распространении в очень многих языках Евразии сложений с числом 7, обозначающих неопределенное множество предметов,

¹² А. К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов, с. 198.

¹³ См.: А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семистических систем.— В сб.: Структурно-типологические исследования. М., 1962, с. 135—136, 141; ср.: С. Ульманн. Семантические универсалии, с. 257—276.

совершенно не обязательно равное семи¹⁴. Это объясняется былым сакральным значением числа 7. На каждом шагу такие названия встречаются и в топонимии различных языков, ср. русск. скалы *Семь Братьев*, манс. *Сат-хум-хайтум-лох* «лог, по которому бежали семь мужиков», коми *Сизимюрамыльк* «семиголовая сопка» и т. п. Таким образом, в топонимии разных языков могут быть отражены универсалии, обусловленные весьма древними традициями. К ним, в частности, относится и наличие образности с числом 7. Названия этого типа крайне многообразны (ср. манс. *Сат-нангк-люльнэ-павыл* «поселок у семи лиственниц», *Сат-соруп-хайтум-воль* «плес, по которому бежали семь лосей», *Сат-лув-алым-няр* «болото, где убили семь лошадей», *Сат-лунт-хайтум-керас* «скала, по которой бежали семь гусей», *Сат-пирва-хайтум-керас* «скала, по которой бежали семь чирков» и даже *Сат-русь-экв-хангхалтапынг-керас* «скала с лестницей семи русских баб»), однако наличие повторяющегося общего компонента позволяет выделить универсалию — число 7.

Зная это, легко вывести из названия речки Семипалатинка название скал **Семь Палат* (ср. *Семь Палат* > *Семипалатинск*)¹⁵. Семантически немотивированное название реки окажется в этом случае обычным метонимическим переносом с ономастологически прозрачного названия скал. Очевидно, старинное название *Семь Палат* было вытеснено более новым (или существовавшим параллельно) наименованием *Чертово Городище*, сохранившись, однако, в названии смежного объекта.

В данном случае ономастологический анализ сочетается с выводами этимологического характера. Можно привести пример, когда изучение универсалий позволяет отвергнуть историческую информацию, которую, казалось бы, можно извлечь из топонима. Так, М. Т. Муминов объясняет название озера *Етыгуча* (*Етыхуджа*) из языка тюменских татар как «семь ходжей»¹⁶. Тут же приводится легенда: «На озере жили приехавшие из Бухары семь ходжей. Они проповедовали ислам, за что были убиты местным населением, которое не хотело принимать мусульманство. После утверждения ислама среди местного населения озеро было названо в память погибших ходжей Етыхуджа, а в местном диалекте это название звучит Етыгуча...»

Однако историческая перспектива, намеченная в легенде, сразу становится сомнительной, по крайней мере в отношении количества ходжей, если вспомнить об универсальном характере сложений с числом 7 в топонимии.

¹⁴ Ср.: А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, с. 117.

¹⁵ «Каменными палатками» на Среднем Урале часто называют нагромождения из камней, валунов, «палатами» могли назвать особенно внушительные скалы, в частности такие, как Чертово Городище.

¹⁶ М. Т. Муминов. Материалы по этимологии тюркских топонимов Тюменского и Ялуторовского районов Тюменской области. — В сб.: Взаимодействие языков. Свердловск, 1969, с. 82.

Построение общей типологии образных универсалий позволит вместе с тем критически осмыслить и пересмотреть уже предложенные этимологии топонимов.

Известно, что сколь сложными и даже изощренными ни были бы образы, созданные народом, в их основе всегда следует искать нечто рациональное, иначе толкования образных названий могут оказаться ошибочными. Так, получившая известное распространение этимология слова *Урал* из манс. *ур-ала* «горная вершина» (дословно «крыша горы») ¹⁷ неудачна прежде всего потому, что постулируемый образ нелогичен. Обширный горный хребет странно называть крышей горы. И хотя в мансийском языке сложения с *ала* обычны (*кол-ала* «крыша дома», *пут-ала* «крышка горшка») и даже в оронимии встречаются названия типа *Сисуп-ала* «крыша (т. е. вершина) Чистоба» (Сисуп. русск. Чистоп — высокий хребет на Северном Урале), эту этимологию уже с чисто семантической точки зрения принять трудно. И действительно сами манси называют Урал *Нёр* «каменный хребет», «камень», что вполне соответствует древнерусскому имени Урала *Камень* и названиям этого хребта, засвидетельствованным в других финно-угро-самодийских языках: хант. *Кев* «камень», коми *Из* «камень», ненец. *Нгарка* " *Пэ*" «большие камни». Именно по этой причине источник слова *Урал* следует искать в других языках — тюркских или, как пытаются в последнее время, в тунгусо-маньчжурских.

Против гипотезы о мансийском происхождении слова *Урал* есть и другие возражения, но первое, что надо опровергнуть ее сторонникам, это тезис о нерациональности образа, лежащего в основе названия. Решить спор может только построение общей типологии образных универсалий.

Наличие тождественных по семантике образных наименований в различных языках или хотя бы совпадение отдельных компонентов этих названий позволяет применить типологический метод к топонимическим исследованиям. Но как быть в тех поистине бесчисленных случаях, когда образное народное видение реализуется в специфических по своей семантике наименованиях или когда наличие параллелей еще не дает возможности говорить о существовании топонимических универсалий? ¹⁸ А ведь действительность топонимии настолько богата, что один и тот же объект сплошь и рядом отражается по-разному в образных названиях различных народов: русские первопроходцы-ушкуйники дали одной из высочайших вершин Северного Урала название *Столл*, тогда как для коми эта вершина — *Тёл-поз-из* «гнездо ветра», а для манси — *Нэ-пупыг-нёр* «баба-идол».

Развитая система образных названий в топонимии всегда самобытна. Это ведет к значительным несоответствиям между системами образных названий в различных языках и действительно

¹⁷ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. 4. М., 1973, с. 166.

¹⁸ Ср.: С. Ульманн. Семантические универсалии, с. 253—254, 274—276.

диктует необходимость поиска внутрисистемных связей, которые, во-первых, объединяют образные названия со всем языком в целом и, во-вторых, существуют между самими образными названиями.

III. Системные связи в топонимии прежде всего обнаруживаются на общезыковом уровне: оригинальность систем топонимических образов во многих отношениях определяется особенностями лексической и грамматической системы данного языка.

В. Н. Топоров утверждает, «что существует известная градация собственных имен в зависимости от степени проявления «назывательности» и что свойство «быть собственным именем» связано с наименьшей мотивированностью названия»¹⁹. Действительно, собственные имена необходимо членить на две существенно различающихся группы: имена, связанные по происхождению с лексическими и грамматическими структурами функционирующего языка (скала *Дед*, гора *Колокольня*), и имена заимствованные, освоенные только фонетически и грамматически (гора *Эльбрус*, река *Нондрус*). Есть, конечно, и промежуточные случаи, обусловленные, например, «народной этимологией», но они нас сейчас не интересуют, поскольку не меняют сути дела.

Образные географические названия самим фактом своего существования, самой возможностью возникновения в топонимии специфических словесных структур и сочетаний, созданных путем переноса на базе функционирующего языка, свидетельствуют о крепчайших связях между ономами и апеллятивами. Только учитывая закономерности, характерные для всей лексики в целом, можно осмыслить, например, место и функции образных оценочных названий в топонимии: анализ пейоративных слов в диалектной лексике русского языка (названия растений *волчье лыко*, *конский щавель* и т. п.)²⁰ вполне гармонирует с ономаσιологической трактовкой некоторых географических названий юго-восточной Украины (*Плохичь Воды*, т. е. «плохие, горько-соленые, не годные для питья воды» и т. п.)²¹.

Именно поэтому образные оценочные названия представляют опасность для тех исследователей, которые пытаются извлечь прямую историческую информацию из топонимии: противопоставление типа река или гора *Княжья* — *Смердя*, *Божья* (*Святая*) — *Чертова*²² могут быть и оценочными. Так, *Царский* лес может

¹⁹ В. Н. Топоров. Из области теоретической топониматики. — ВЯ, 1962, № 6, с. 7—8.

²⁰ В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, с. 89—90, 98—99, 241.

²¹ А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика), с. 106; Е. С. Отин. Гидронимия юго-восточной Украины. Автореф. докт. дис. Киев, 1974, с. 33—34.

²² Ср.: А. А. Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика), с. 107—110. В этом исследовании наименования такого рода рассматриваются как «религиозные» (с. 107), однако во многих случаях они могут быть оценочными (ср.: Там же, с. 105—107).

означать «большой», «великий» лес (ср. *Царь-пушка*, *Царь-колокол*). Поэтому решая вопрос о достоверности исторического факта, отраженного в топонимии, всегда следует брать поправку на образное видение, иначе легко можно оказаться в сетях исторического буквализма, который ничуть не лучше так называемого «географического натурализма»²³. В этом смысле топонимия не негатив²⁴, а кривое зеркало.

Названия типа *Волчи Воды* несомненно представляют известную сложность в ономаσιологическом отношении, но, если из них не извлекать прямую географическую информацию («там жили волки»), не грозят топонимисту какими-либо осложнениями, даже если и попадут при семантической классификации в число «настоящих» Волчьих рек. Однако такие модели должны учитываться при обращении к субстратной топонимии: многочисленные севернорусские наименования с основой *лемб-* (*Лемба*, *Лембова*, *Лембонема* и т. д.) ~ фин. *lempo*, карел. *lembo* «черт, "леший"» совсем не обязательно указывают на то, что здесь, по поверьям, обитала нечистая сила, а могут обозначать «плохое место». С другой стороны, топоним *Портомой* может оказаться не субстратным²⁵, а русским: *Портомоями* и *Портомойками* на Руси издавна назывались маленькие речушки, где действительно стирали (мыли) порты, т. е. самую разную одежду или где, с точки зрения местных жителей, только и можно стирать порты, что создает оценочность и образность.

Специфику воздействия грамматического строя языка на характер топонимической образности иллюстрирует следующий пример, который показывает, сколь необходимо при ономаσιологической и этимологической интерпретации образных названий учитывать структуру языка.

В горах и по рекам Северного Урала часто встречаются скалы с отверстиями, «дырами». Русские называют их *Дыроватый Камень*, *Дырявый Камень*, *Дыроватые Ребра* и т. п.²⁶ Таких названий в русской топонимии Урала довольно много, в частности есть они на Чусовой, на Вишере. Однако в мансийской топонимии наряду со сравнительно редким *Асын-ахвтаc* «камень с дырой» встречаем для подобных объектов образные названия, причем в основу образа положен мифический факт «прохождения» через каменную скалу какого-либо существа (собаки, лося) или движущегося предмета (стрелы, лодки).

Этот образ «чего-то прошедшего насквозь» ярко выражен в таких названиях, как *Кутюв-тара-хайтум-керас* «скала, сквозь ко-

²³ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, с. 23—28.

²⁴ Ср.: Там же, с. 38—40.

²⁵ Б. А. Серебренников. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? — ВЯ, 1970, № 1, с. 54.

²⁶ Эта семантическая модель обычна для топонимии разных народов, ср. черкесское *Мывэгъуанэ* «дырявая скала» (Дж. Н. Коков. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 230).

торую пробежала собака», *Нял-пахвтын-керас* «скала, в которую пускают стрелы», *Хап-пох-асынг-керас* «скала с отверстием, похожим на борт лодки» и т. п. В мансийских названиях фигурирует не только результат (отверстие, дыра), но и действие, которое привело к этому результату. Для русской топонимии наименования такого рода не характерны. Дело в том, что в русском языке причастные конструкции обладают значительно меньшей самостоятельностью и сказуемостью, чем в мансийском языке²⁷, и менее способны включаться в номинативные словосочетания. Кроме того, в русском языке причастия — почти исключительное достояние письменной речи, а в мансийском они широко распространены в устной, откуда и проникают в топонимию.

Таким образом, сама структура языка может иметь значение для характера образности: употребление причастных форм в мансийской топонимии создает дополнительные условия для обогащения семантики топонимов.

IV. Семантические различия в топонимии зависят также от того, составляют ли образные названия какую-либо систему, входят ли они в определенный комплекс образов, или встречаются спорадически, изолированы, носят более или менее случайный характер. Так, на Приполярном Урале есть островершинный хребет *Сабля*, а одна из гор Северного Урала названа *Армией* за множество скал-останцев, однако эти названия, несмотря на их общую военную тематику, друг с другом не связаны: русские образные названия на Приполярном и Северном Урале не образуют системы. Более того, есть все основания полагать, что в русской топонимии образные названия нигде не составляют сколько-нибудь значительных единых комплексов и возникают независимо друг от друга. Так, названия типа *Голова*, *Шея*, *Горло*, *Язык*, *Палец* и т. п. встречаются в русской топонимии очень часто, но лишь изредка составляют коррелятивные пары, а ряды из трех и более образных названий вообще уникальны. Вот яркий пример: среди бесчисленных названий «камней» (скал) реки Чусовой очень много образных (*Печка*, *Пять Братьев*, *Башня*, *Веер*, *Юрта*, *Игла*, *Холостяк*, *Афонины Брови* и т. п.), но ни одно из них семантически не связано с другим.

Эта «фрагментарность» русской образной топонимии объясняется тем, что в период ее возникновения у русских уже не было характерных для ранних периодов развития человеческого общества мифологических представлений, которые способствовали бы распространению специфического образного видения на весь окружающий мир. Образное народное видение со временем может эволюционировать, система образов в топонимии — разрушаться, одни образы могут заменяться другими.

²⁷ О функциях причастий в мансийском языке см.: А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Мансийский язык. Л., 1957, с. 139—144, 195—196, 217—224; Е. И. Ромбандеева. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, с. 145—147.

Иначе обстоит дело в топонимии тех народов, которые еще недавно находились на сравнительно низкой ступени общественного развития. Яркая образность мировосприятия и мифологические представления во многом обуславливают особенности первичных топонимических систем²⁸, и это очень существенно для практики ономаσιологической и этимологической интерпретации. Между тем мы обычно подходим к субстратной топонимии со своей меркой, хотя образы, в которые современный человек воплощает действительность, могут быть далеко не адекватны образным представлениям его предшественников. Учет принципа семантической мотивированности (универсалий) позволяет вырабатывать определенную шкалу эталонов, но эта шкала прямолинейна. Она привлекается из множества топонимических систем, а такие системы оригинальны у каждого народа. Поэтому ошибки при этимологизации могут быть связаны с недоучетом специфики образного народного видения окружающего мира, во многих случаях ярко выраженного в мифологической подоснове топонимической образности. Модернизация древней топонимии, перенос современных моделей на древность недопустимы при анализе топонимического материала, этимологизация которого требует поправки на образное видение древних. Однако общие указания на специфику образного видения и условия возникновения топонимической образности, в частности на их связь с мифологией, совершенно недостаточны для практики этимологизирования топонимических элементов. Так, даже хорошо зная, что в затейливых формах гор и скал человек нередко видит образы людей и животных, которые некогда окаменели по той или иной причине, мы до тех пор будем произвольны в своих интерпретациях, пока не увидим в этих образах определенной системы. Эта система в значительной степени порождается тем, что физико-географические объекты, получившие образные наименования, нередко сопоставляются, сравниваются человеком на местности, поскольку в своей массе или частично они могут одновременно находиться в пределах видимости. Поэтому образы, которыми народное видение наделило оронимические объекты, нередко создают такую же параллель реальному земному миру, как и астрономические системы²⁹. Миру реальных на земле соответствует мир камней в горах и мир созвездий на небе. При этом чем ниже ступень культурного развития народа, чем большую роль в его жизни играет мифология, тем его топонимия должна быть не только образней, но и системней³⁰, так как

²⁸ О соотношении космологическо-мифологической сферы и ономастики в целом см.: В. Н. Топоров. О палийской топономастике.— В сб.: Топонимика Востока. М., 1969, с. 34, 50.

²⁹ Это убедительно показано в работе: М. Э. Рут. К вопросу о принципах номинации созвездий.— В сб.: Вопросы топономастики, № 6. Свердловск, 1972, с. 88—89.

³⁰ Другой полюс представляют искусственные наименования типа *Поселок 4-й километр, Поселок 11-го сельхозучастка, Разъезд 29-й километр, Разъезд 75-й километр, линии Васильевского острова, американские авеню и стрит* и т. п.

она в большей степени взаимообусловлена. Все это мы находим, например, в оронимии манси.

Нет сомнения, что на Северном Урале в географических названиях засвидетельствован своего рода каменный мир, страна окаменевших людей и животных, очень специфичный по своему характеру и тесно связанный с богатейшей мифологией и древним бытом манси. Высочайшие каменные горы мыслятся как «хозяева Урала»: *Нёр-ойка* «камень-старик (Урал-старик)»³¹ или *Ойка-нёр* «старик-камень (старик-Урал)», есть здесь и «старик-гора» — *Ойка-сяхл*, и «старуха-гора» — *Эква-сяхл*, по Уралу скачут каменные лошади (*Лув-нёр* «лошадь-камень», русск. *Тулымский Камень*), здесь идут войны и покоится бубен, брошенный воинственным самоедским шаманом, окаменевшим при виде одного из грозных каменных «хозяев Урала» (гора *Койп* «бубен»), стоит каменный амбар для продуктов (гора *Сомъяхын-г-нёл* «отрог с амбаром»), зятя (*Вапс-хумит-сяхл* «гора зятьев-мужиков») навещают своего могучего тестя *Тагт-талях-ялпынг-нёр-ойку* (см. сноску 31). И вся эта картина в воображении манси достаточно едина: мир каменных богов и полубогов дублирует мир людей. Но в этой картине четко вычленяются и отдельные компоненты. Аналогичное представление отражено в статье Е. И. Ромбандеевой, указывающей, что по реке Северной Сосьве есть целая серия географических наименований — островов, озер, рек — связанных с названиями частей тела хвастливого великана, разлетевшегося на куски от удара стрелы богатыря³². Конечно, весь этот мир географических названий и стоящих за ними образов устремлен в прошлое, он — сколок с мансийской мифологии, а шире — с прошлой жизни и истории манси.

Сколь ни специфична эта образность, она отнюдь не препятствует, а даже способствует использованию системных связей при интерпретации образных топонимов.

Показательно, например, название горы *Хусь-ойка* на Северном Урале в хребте *Ялпынг-нёр* «святой Урал». Современные верхнелозьвинские манси затрудняются при объяснении этого топонима, один же коми-оленовод, которого автор в свое время встретил близ этой вершины, объяснил, что *хусь* по-мансийски

Все названия такого рода весьма рациональны, образуют четкую систему, но безлики. И хотя логика развития топонимии от образных названий к числовым обозначениям понятна, превращение этих обозначений из отдельных «опытов» в господствующий тип номинации и переход из отдельных ономастических сфер во все только осложнили бы жизнь человечества.

Иное дело каталогизация топонимов и присвоение им постоянных номеров. Это во многом способствовало бы решению задач, стоящих перед прикладной топонимикой.

³¹ Таких «нёроек» много: *Тагт-талях-ялпынг-нёр-ойка* «святой старик-Урал в вершине (северной) Сосьвы», *Ось-Тагт-талях-нёр-ойка* «старик-Урал в вершине (южной; дословно — «узкой») Сосьвы», *Нягысь-талях-нёр-ойка* «старик-Урал в вершине Няйса», *Нёр-ойка* «старик-Урал» на Приполярном Урале и т. д.

³² Е. И. Ромбандеева. Некоторые этимологии мансийских топонимов. — В сб.: Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. М., 1965, с. 50—51.

«муравей». Последнее — явная ошибка, связанная, с одной стороны, с наличием мансийского *хосвой*, *хосуй* «муравей», с другой — с русскими названиями горы *Муравьиный Камень* и стекающей с неё реки *Муравья* (мансийское *Морупъя*). Сейчас трудно установить, как возникло название *Муравьиный Камень*, но скорее всего оно появилось в результате какого-то недоразумения при усвоении наименования местными русскими охотниками или топографами, например, в том случае, если топоним был заимствован через посредство коми-ижемцев, которые и до сих пор пасут оленей в горах Северного Урала. Так или иначе, *Хусь-ойка* никакой не «Муравей-хозяин»³³, как думал в свое время автор статьи³⁴. Но кто же тогда?

Местные манси помнят слово *хусь* в значении «валет», словари мансийского языка знают его и в значении «слуга». «Валет» в картах меньше, чем король, поэтому исходное значение, видимо, «слуга». Значит *Хусь-ойка* должно толковаться «Слуга-старик»³⁵. Чтобы понять в этом случае механизм образности, важно обратиться ко всей системе местных оронимов и мансийскому мифу о *Хусь-ойке*, который служит помощником у *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл* (близлежащие вершины мощного хребта *Ялпынг-нёр* «святой Урал»). Оказывается, *Хусь-ойка* вместе с отцом в свое время хотел захватить эти земли, но был вынужден отступить и даже остаться в роли зятя и заложника у своих новых могучих хозяев. Для нас в конце концов не важно, «слуга» он или «помощник», или даже «зять». Существенно, что на хребте *Ялпынг-нёр* более высокое «общественное» положение занимают *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл*. Материальной основой для такого образа послужил тот факт, что с восточной мансийской стороны прямо перед тайгой круто встают каменные громады *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл*. Между тем *Хусь-ойка*, скрытый этими вершинами, не кажется столь грандиозным, хотя фактически он даже чуть выше *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл* и тоже находится на хребте *Ялпынг-нёр*. Таким образом, *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл* «старик-гора» и «старуха-гора» в известной мере синонимичны понятию «большой (большой)», а *Хусь-ойка* — «меньший (малый)». И эта версия подтверждается тем, что и гораздо севернее на Приполярном Урале рядом с высокой горой *Нёр-ойка* возвышается тоже значительная, но все же меньшая по высоте вершина с уже знакомым нам названием *Хусь-Ойка*. Такой параллелизм явно не случаен. Совсем по-другому осмысливается теперь и название вершины *Ванс-хумит-сяхл*

³³ С точки зрения семантики мансийских топонимов и вообще мансийской мифологии это было бы достаточно странно. Во всяком случае, в капитальной работе А. Kannisto "Materialien zur Mythologie der Wogulen" (MSFOu., 113. Helsinki, 1958) этот персонаж отсутствует.

³⁴ А. К. Матвеев. Основные задачи изучения уральской топонимики. — В сб.: Вопросы топонимстики, № 3. Свердловск, 1967, с. 7.

³⁵ Ср.: Г. И. Олесова. Мансийские оронимы Северного Урала. — В сб.: Вопросы топонимстики, № 1. Свердловск, 1962, с. 36.

близ хребта *Тагт-талях-ялпынг-нёр-ойка*. Ясно, что «гора зятьев-мужиков» должна быть ниже самого нёройки, что и подтверждает сравнение реалий. И не важно, что эта мифологическая деталь уже трансформирована в мифе в довольно реалистический рассказ о том, что на упомянутой горе останавливались мужья дочерей нёройки³⁶.

Пример с названиями *Хусь-ойка* и *Муравьиный Камень* наглядно показывает, что русские инновации в мансийскую топонимическую систему достаточно легко обнаруживаются, если учесть все факты, поскольку топонимические системы двух разных языков в семантическом плане никогда не совпадают, хотя могут частично пересекаться за счет типологических сходств и калькирования. Системные связи частично также могут сохраняться и, следовательно, становиться достоянием русской топонимии. С другой стороны, они могут отражать и субстратное домансийское состояние.

Случаи прямого калькирования или близких соответствий вообще говоря не так уж редки, ср. манс. *Мань-пупыг-нёр* «малый хребет идолов» = коми *Ичёт-бёлбана-из* «малый хребет идолов» и русское *Богатыри*, но для этимологизации представляют интерес не столько такие соответствия, сколько коррелятивные пары, обнаруживаемые в ходе разысканий в функционирующем языке и субстрате.

Так, одна из вершин Среднего Урала к северу от Свердловска, там, где манси давно обрусели, носит название *Высокая Эква*. Этот ороним интерпретируется как гибридный русско-мансийский (манс. *эква* — «жена», «старуха», «баба») ³⁷.

Однако данная этимология воспринимается совсем по-другому, если учесть, что в тех местах есть и высокая гора *Старик-Камень*. Вполне возможно, что это последнее название точная калька мансийского *Ойка-нёр* «старик-камень» или даже *Нёр-ойка*, тогда как в названии *Высокая Эква* сохранилась часть мансийского названия (*Эква*), а компонент *Высокая* — русское добавление. Так или иначе, эта корреляция (ср. *Ойка-сяхл* и *Эква-сяхл*) поддерживает объяснение происхождения обоих слов. Видимо, и на Среднем Урале когда-то были свои нёройки.

Новые возможности для этимологизации открываются, если иметь в виду, что функционирующая система, впитывая в себя более древние образные компоненты в период двуязычия, могла сохранить и древнее слово и его перевод. Нечто подобное произошло с названием реки *Пурма* на Северном Урале. Это название

³⁶ Таким образом, топонимические мифы, связанные с названиями, восходящими к функционирующему языку, в некоторых случаях представляют интерес при ономастологической, а подчас и этимологической интерпретации топонимов. Это тем более важно подчеркнуть, что иногда слишком категорично отвергается значение топонимических легенд для исследования топонимии (см. напр.: Г. П. Вуоно. Мансийская топонимия Привишерья. — В сб.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968, с. 107).

³⁷ Г. И. Олесова. Мансийские оронимы Северного Урала, с. 33, 36.

находит целый ряд точных параллелей в субстратной топонимии русского Севера (*Пурмозеро, Пурмручей, Пурмаш, Пурма*). Виду широко распространенного явления мены *рм/рн* — и шире *м/н* — сюда же можно отнести и такие севернорусские названия как *Пурна, Пурнозеро, Пурноя*. Не связывая уральское *Пурма* пока с каким-либо определенным языком, отметим, что источником этого слова мог быть какой-то финский язык (ср. фин. *ripni*, вепс. *ripn* «ларь», «закром», «яма для репы», саам. *ripn* «сруб для хранения», мар. *пурня* «кузов», коми *бурня* «долбленая кадушка», причем возможность мены *рн/рм* хорошо подтверждается фин. диал. *purtti* «яма для репы») ³⁸. Поскольку река *Пурма* начинается на западном склоне горы *Сомъяхынг-нёл* «амбарный отрог», мы не должны считать случайным совпадение семантики мансийского и домансийского названий. Материальной базой для образа в этом случае является большой камень-останец на вершине горы, весьма напоминающий сруб для хранения продуктов (личное наблюдение автора).

Наконец, необходимо иметь в виду и возможность семантического пробела в образной топонимической системе, связанного, например, с табуированием отдельных лексем.

Одним из интересных случаев табуирования, конечно, на общезыковом уровне, является отсутствие в мансийской топонимии названий, содержащих семему «медведь» ³⁹. Хорошо известно, что у манси медведь в особом почете ⁴⁰, и культ медведя — «хозяина леса» объясняет, почему это животное табуировано как в топонимии, так и во всем языке ⁴¹, между тем как, например, «лосиные», «оленьи» и т. п. названия встречаются на каждом шагу (ср. *Соруп-аньт-тусьтым-керас* «скала, где поставлены лосиные рога», *Соруп-ёмнэ-сори* «седловина, где ходят лоси», *Салипал-воль* «яма (плес) половины оленя», *Сали-тартан-няр* «болото, куда пускают оленей» и т. п.).

Зная этот очень существенный момент, мы уже совсем по другому отнесемся, например, к такому интересному факту. На одной из вершин Северного Урала есть скала-останец, известная манси под названием *Контыр* (*Кунтыр*). Если идти к этой скале по мансийской тропе, проходящей с востока на запад, то выясняется, что силуэт скалы удивительно напоминает фигуру сидящего медведя в профиль. Сами местные манси значение этого топонима

³⁸ E. Itkonen, A. J. Joki. Suomen kielen etymologinen sanakirja, 3. Helsinki, 1962, S. 654.

³⁹ Во всяком случае по материалам, собранным Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета у верхнелозьвинских манси (см.: Г. В. Глинских, А. К. Матвеев. Материалы по мансийской топонимике. 1. — В сб.: Вопросы ономастики, № 10. Свердловск, 1975, с. 5—67).

⁴⁰ См. напр.: А. Kannisto. Materialien zur Mythologie der Wogulen, S. 333—383; В. Чернецов. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. — Congressus secundus internationalis finno-ugristarum. (Helsinki 23—28, VIII, 1965), 2. Helsinki, 1968, S. 102—111.

⁴¹ Ср.: С. Ульманн. Семантические универсалии, с. 282—283.

объяснить не могут, в мансийских лексикографических источниках тоже ничего адекватного нет, однако находим важные указания в пермских языках, где имеется коми *гундыр* «многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей» (древнекоми **гондыр* «медведь?»), удмуртское *гондыр* «медведь»⁴². Учитывая, что при заимствовании в мансийский язык звонкие *г* и *д* языка коми должны были непременно перейти в *к* и *т*, устанавливаем полную идентичность этих лексем, а зная, что наименования у манси табуированы и есть даже особый медвежий язык, можно допустить, что это скорее мансийское заимствование из коми языка, точнее, заимствованный топоним, чем собственно мансийская лексема, родственная пермским данным, которая сохранилась уже только в топонимии.

Высказанное предположение подтверждается еще тем, что в языке коми «медвежи» названия обычны (*Ошью* «медвежья река», *Ошвидз* «медвежий луг» и т. п.) и что отдельные элементы коми топонимии встречаются даже на восточном склоне Урала (ср. русское *Вижай* < коми *вежа* «святой» и мансийское название той же реки *Ялынгъя* «святая река»). Видимо, все сказанное подтверждает предположение, что некогда коми **гондыр* имело значение «медведь».

Таким образом, при ономаσιологическом и этимологическом анализе образных топонимов необходимо тщательно учитывать специфику былого мировосприятия и мифологии народа. Нередко это позволяет многое объяснить в системе образных названий в топонимии.

V. Изучение особенностей образных названий и способов их интерпретации позволяет шире использовать моделирование как при воссоздании отдельных компонентов топонимов, так и целых топонимов и даже групп топонимов. Разумеется, образный топоним (если только это не одиночная лексема) в семантическом смысле неделим, однако, моделируя топонимы целиком, в субстрате мы обычно находим только их фрагменты. Тем больший интерес представляют случаи удачного моделирования образных топонимов.

Так, зная, что названия частей тела метафорически употребляются в географической терминологии и топонимии живых языков очень широко (ср. ранее), можно попытаться применить соответствующие образные модели к субстратной топонимии. В частности, норв.-саам. *njuŋne*, нот., кильд. *njuŋn*, йок. *njuŋne* «нос» было спроецировано в субстратную топонимию русского Севера с предполагаемым метафорическим значением «мыс», при этом были сконструированы следующие топонимы: **Нюнь* или **Нюня* «нос» = «мыс», **Нюни* «носы» (собственно «мысы»), **Нюнебой*⁴³

⁴² В. И. Лыткин, Е. И. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 82—83.

⁴³ О формантах *-бой* «ручей» и *-юга* «река» см. статью: А. К. Матвеев. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера.— ВЯ, 1969, № 5, с. 43, 50.

«носовой (мысовой) ручей», **Нюнюга* «носовая (мысовая) река». При наложении моделей на субстратную топонимию все эти формы были обнаружены в виде *Нюня* (покос), *Нюни* (покосы), *Нюнебой* (ручей), *Нюнега* (река), что можно объяснить достаточно высокой активностью основы в топонимии ⁴⁴.

В этом случае очень трудно определить, нет ли среди рассмотренных названий таких, образность которых возникла не на топонимическом, а на общеязыковом уровне, поскольку у нас нет прямых данных, что саамское слово-апеллятив на русском Севере имело значение «мыс», которое и отражено в топонимии.

В названии деревни *Ноккола* (ср. фин. *nokka* «клюв, нос, выступ», карел. *nokka* «клюв, нос», вепс. *nok* «клюв, острый выступ», эст. *nokk* «клюв, нос, выступ», а также финские топонимы *Nokka*, *Nokkala*, *Nokkola*), т. е. «у клюва (носа, выступа)» мы почти наверняка встречаемся с топонимическим употреблением метафорического географического термина, т. е. с общеязыковым фактом.

И уже совершенно бесспорен общеязыковый характер переноса в таких случаях, как название русской деревни *Летний Наволок*, где *летний* выступает в значении «южный» ⁴⁵. Аналогичный топоним находим в вепсском (?) субстрате бассейна реки Устья на русском Севере, где засвидетельствовано название населенного пункта *Кезомина* (ср. фин. *kesä*, карел. ливв., люд. *kezä*, вепс. *keza* саам. кильд. *kiess*, род. п. *kiez* «лето» и фин. *niemi*, вепс. *net* «мыс»), т. е. тоже «летний мыс (наволок)». Финские названия *Kesäjärvi*, *Kesämäki*, *Kesälahti*, т. е. «летнее озеро», «летняя гора», «летний залив» подтверждают этимологию.

Эти примеры показывают, сколь часто в основе топонимической образности лежит общеязыковая образность и как трудно их отличать друг от друга. Между тем некоторые топонимисты, особенно географы, утверждая, что наука о географических названиях находится на грани лингвистики, истории и географии, ставят топонимию в некое исключительное надонамастическое и надъязыковое положение, отрывая ее от языка ⁴⁶. Противопоставление топонимии другим разделам ономастики и языку в целом, как и отрыв собственных имен от апеллятивов, совершенно бесперспективно как научный принцип. На это недвусмысленно указывает и ономасиологическая интерпретация топонимического материала, в частности, ономасиологическое изучение образных топонимов, весьма существенное для практики этимологических разысканий.

⁴⁴ Это совсем не отвергает положения о том, что формант *-нема* «мыс» может употребляться как в прибалтийско-финских, так и в саамских источниках: использование метафоры отнюдь не исключает употребления синонимического термина. Постановку вопроса см. в нашей статье «Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера» (с. 47).

⁴⁵ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1955, с. 281.

⁴⁶ Полемику см.: А. К. Матвеев. Тезисы о топонимике. — В сб.: Вопросы ономастики, № 7. Свердловск, 1974, с. 5—12.